

Татьяна Коростышевская

БЕЛЫЙ ТИГР В ДОЖДЛИВЫЙ ВТОРНИК...
УЕЗДНЫЙ ДЕТЕКТИВ. НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ
УЕЗДНЫЙ ДЕТЕКТИВ. НЕЗВАНЫЙ, НО ЖЕЛАННЫЙ

Цикл
«Владычица ветра»

ВНУЧКА БАБЫ ЯГИ
НЕВЕСТА КАЩЕЯ
МАТЬ ЧЕТЫРЕХ ВЕТРОВ

Диалогия
«Берендийский сыск. Серафима Абызова»

КИСЕЙНАЯ БАРЫШНЯ
ОГОНЬ БЛАЖЕННОЙ СЕРАФИМЫ

УЛОЖЕНІЕ
НАКАЗАНІЯХЪ

и исправительныхъ.

309826

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
***в коей обязанности пристава уездного Крыжовеня
ложатся на девичьи плечи неподъемным грузом,
а долгожданная встреча радости не приносит***

Всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей или же на права или безопасность общества или частных лиц, есть преступление.

*Уложение о наказаниях уголовных
и исправительных, 1845*

Поезд из столицы прибыл в Крыжовень вечером. Семен Аристархович Крестовский, действительный статский советник сыскного департамента, начальник чародейского приказа Мокошь-града, вышел из вагона в партикулярном платье и самом светском расположении духа. Трехдневное путешествие позволило ему восполнить чародейские силы, а нынче ждала его встреча с дамою сердца, зеленоглазой барышней Попович. Семен эту встречу предвкушал, представил даже в подробностях, как сперва бросится к нему Евангелина, щечки покраснелись, очи сверкают, после остановится в смущении, чтоб приличия соблюсти, о новостях своих расскажет, о столичных делах расспрашивать примется. И он привычно угреется в лучах ее бесхитростного обожания, расслабится, почувствует себя взрослым и сильным. Геля, Гелюшка... Какая все-таки удача, что именно ему пришлось ей вослед в этот уездный городишко отправиться, хоть ненадолго о столичных своих затруднениях забыть.

Высокому Крестовскому не составляло труда поверх голов оглядывать редующую толпу, однако Гели на перроне не было. Это пока не тревожило, но несколько разочаровывало.

— Прощения просим, — остановил его немолодой тучный господин в полицейском мундире, — не вы ли, вашбродь, Эльдар Давидович будете?

Толстяк с почти суеверным ужасом оглядывал столично-го франта от сверкающих туфель до крупных сапфировых серег в мужских мочках. Семен покачал головой, взметнув свою золотисто-рыжую гриву. Служивый тоскливо заозирался, более одиноких приезжих не узрел, вздохнул.

— Обознался. Чиновника важного велели встречать по фамилии Мамаев.

— Кто велел?

— Начальство. Пристав то есть.

Чародей посмотрел на перрон, тоже вздохнул и сунул толстяку саквояж.

— Будем считать, что приказ начальства вы исполнили. Действительный статский советник Крестовский вместо Эльдара Давидовича в ваше присутствие направлен.

Приняв багаж с видом покорного оруженосца, служивый гаркнул:

— Коллежский регистратор Давилов! — Щелкнул каблучками, добавил, понизив голос: — Извольте, ваше превосходительство, в сани.

Семен пошел за провожатым. Пристав? Любопытно, кого из Змеевичей эту обязанность прислали исполнять? Заметим, исполнять временно. Должность все еще числилась вакантной.

— Начальство велело вас в гостинице устроить, — сказал Давилов, прижимая к груди саквояж. — По случаю ярмарки мест свободных не было, но я исхитрился пристойный номер для вашего превосходительства добыть.

На вокзальной площади происходила битва за извозчика, но спутник кивнул в сторону, где с мраморного крыльца прямо в грязный ноздреватый снег спускались дощатые мостки.

— Туда извольте, ваше превосходительство. Приказной транспорт за углом ожидает, ее высокоблагородие велели...

- Как зовут? — спросил Семен, прыгивая с крыльца.
- Евсей Харитонович, — смешался толстяк.
- А дальше?
- Так Давилов же...

Извозчик, узрев столичного чародея во всем его великолепии, натурально открыл рот. Семен поздоровался, уселся в сани, подождал, пока коллежский регистратор займет место рядом, и спросил снова:

— Как зовут его высокоблагородие? Начальство ваше? Пристава!

— Ее.

— Простите? — Сани дернулись трогаясь, и возглас получился ломким, будто солидный Крестовский пустил петуха.

— Ее высокоблагородие, — пояснил Давилов с затаенной гордостью. — Пристав наш Евангелина Романовна Попович.

Семен закрыл рот, выдохнул, вдохнул... Спутник продолжал, его состояния не замечая:

— Как прежний пристав наш того, — он закатил глаза, изобразив предсмертный хрип, — она дела все присутственные на себя приняла. Уж он-то ее упрашивал, не оставляй, говорит, Гелюшка, меня. А она: «Все в лучшем виде исполню».

— Блохин?

— Чего Блохин? А! Нет, Степан-то Фомич еще в грудне помер, другой пристав — Волков Григорий Ильич.

— Что-то у вас приставы как мухи мрут.

— Да нет, Григорий Ильич не помер вовсе. Он в сон чародейский погрузился, только и успел невесте своей дела передать.

— Невесте?

— Евангелине Романовне.

Крестовский понял, что сошел с ума, только не мог решить, когда именно. Попович пристав? Какая нелепица! Ей было велено в Крыжовене самоубийство Блохина расследовать. Потихоньку и внимания к своей персоне не привлекая. Пристав? Невеста?!

Служивый все болтал, захлебываясь от восторга и умиления. Волков, молодой такой, а вострый, они ему сперва не особо доверяли, потому еще, что образования Григорий

Ильич заграничного, но после они на пару с надворною советницей себя столь чудесно в делах проявили, что никаких сомнений не оставили. Душегубицу арестовали, а Евангелина Романовна семь часов допрос вела, признания выбивая, а Григорий Ильич в полуобмороке орудие преступления отыскивал. А уж как получилось приотское начальство к ногтю прижать! Любо-дорого.

Седовласый гнум у порога какого-то заведения поклонился приказным саням. Воспаленный взор Семена Аристарховича выхватил за витринным стеклом знакомое лицо. Рыжеволосая зеленоглазая Попович призывно улыбалась ярко-розовым ртом. Потихоньку и никакого внимания? Авантюристка! Актёрка!

Уж они-то на пару в Крыжовене порядок наведут, ее высокоблагородие с женихом, всех лиходеев накажут. А уж как Евангелина Романовна встрече с его превосходительством обрадуется! Она другого чиновника, правда, ждала. Так и сказала Давилкову: «Евсей Харитонович, — говорит, — господин Мамаев мне друг и коллега, вы его наилучшим образом устройте, я сама встречать хотела, но сами видите...» Ну а он что, без понимания, что ли? Не до коллег, когда милый Гриня в падучей колотится. Уж они и лекаря позвали, и...

— Где Попович? — перебил Крестовский излияния коллежского регистратора.

— Известно где, на квартире у господина пристава. Веле-ла вас сперва в гостиницу определить, а после...

— Правь туда! — велел Семен извозчику.

Извозчик послушно натянул поводья, сани описали полукруг, останавливаясь у будки часового.

— Это присутствие наше, — повел рукой Давилов. — А казенки на верхнем этаже располагаются. Через арку вход. Извольте, ваше превосходительство, ножку сюда... Что ж ты, Федор, прямо в грязище встал?

Крестовский лужу перепрыгнул, быстрым шагом пересек расстояние до арки. Давилов пыхтел за спиной, не поспевая. Мощный магический фон Семен ощутил еще на деревянной внешней лестнице, в общем квартирном коридоре он стал физически ощутим. Иностранная чародейская сила вихрилась в воздухе плотным рунным плетением. Почерк Семену был

знаком. Бриты, Орден Мерлина, серьезные мастера. Где-то там, в центре этого чароворота спасала своего милого сыскаря Попович, «ни разу не чародейка». И Крестовский пошел туда, подсказок от спутника более не дожидаясь.

В спальне на кровати лежал молодой человек самой смазливой наружности, то есть не лежал, а парил верхних в двух над постелью. Да и смазливость его была под вопросом — тело страдальца, по пояс обнаженное, корежила судорога, суставы изогнулись под невероятным углом, рот оскалился, из него фонтанировала желтая пена. Геля стояла подле на коленях, пытаясь двумя руками прижать торс молодого человека к кровати. Еще какой-то господинчик, видно лекарь, суетился вокруг, и еще кто-то тоже суетился. Но Крестовский их не замечал, его вниманием завладел обручальный сапфировый перстень на безымянном пальчике сыскаря барышни.

Собою я была довольна. При всей своей нелюбви командировать, с обязанностями пристава справлялась идеально. Невелика премудрость. Служивые местные дело свое знали, даже ярмарочное городское многолюдие не мешало четкой приказной работе. Мы с коллежским регистратором Давиловым занимались отловом чиновных разбойников в богадельне, Старунов, по должности письмоводитель, разбирает мелочовку. Единственное, расстраивало, что второго допроса с арестанткой мне провести не удалось, поплохело ей, опиумнице злостной, сразу после того, как я на допросе признание в убийстве Чиковой получила. Лекарь Халлялин, которого мне в приказ на помощь призвали, заявил, что либо зелья Мишкиной дать требуется, либо ждать, пока попустит. Я решила ждать. Потому что неправильно это, для служебных целей арестанток травить, даже и душегубиц. Ничего, время терпит. Нынче Мамаев из столицы прибудет, вдвоем мы великолепно со всем справимся. Встречу его на вокзале, в отель сопровожу, Давилов обещал номер приличный забронировать, а уж завтра...

Зевнув, я допила свой кофе, поглядела на часы. Можно было собираться.

Старунов вышел из-за конторки, когда я появилась в общем зале, сообщил, что происшествий никаких, сани у крыльца готовы и что на дежурстве в приказе остается именно он, Иван Старунов. Какие-то оборванцы в арестантской келье рапорту заулюлюкали, прижались к решетке сизыми носами.

— Девка? Слышь, девка, отпусти!

— Во-первых, — веско проговорила я, — не девка, а ваше высокоблагородие, во-вторых, отпускания в приказе проводятся...

— Евангелина Романовна! — вбежал с улицы Давилов. Евсей Харитонович запыхался, что при его корпулентности неудивительно. — Беда! Господин Волков... он...

Недослушав, я выскочила за дверь. Григорий Ильич более суток находился в своей квартире, погрузившись в чародейский сон, и никаких проблем до сего момента не доставлял. Утром я его навестила, послушала спокойное размеренное дыхание, поправила на груди одеяло и сочла свой дружеский долг исполненным.

Давилов со Старуновым устремились за мной в боковую арку.

— Иван, — велела я на бегу, — лекаря, срочно!

Гриню колотило как в падучей, он подпрыгивал на разоренной постели и так стучал зубами, что я испугалась, что он откусит себе язык. Евсей Харитонович, видимо, подумал так же, дернул из гардеробной кожаный ремень и засунул его в рот страдальцу на манер лошадиного трензеля. Гришка застонал, его вырвало. Спальня наполнилась сильным кислым запахом. Схватив спящего за плечи, я повернула его на бок, чтоб не захлебнулся.

— Сани-то, вашбродь... — бормотал стоящий у двери приказной извозчик Степанов. — Поезд прибывает.

— Лекарь вот!

Быстро обернувшийся Старунов подтолкнул к кровати Халялина, тот уже раскрывал докторский саквояжик, кропил чем-то вонючим тряпицу, чтоб сунуть ее в лицо Волкову. Гриня затих, тяжело привалившись к моим коленям.

— Евсей Харитонович, — сказала я со вздохом Давилову, — отправляйтесь на вокзал, столичного чиновника встречать.

— Будет исполнено, вашбродь. Сюда доставить прикажете?

Я посмотрела на спокойное лицо Волкова.

— В отель, устройте со всеми удобствами, ужин закажите. Я после к господину Мамаеву присоединюсь.

— Как прикажете.

Регистратор с извозчиком ушли, лекарь велел Старунову принести воды, а мне — снять с Грини сорочку для тщательного осмотра с последующим обтиранием. Мы раздели страдальца, Халялин принялся нажимать ему на живот под ребрами, послушал грудь стетоскопом, приподнял веки, ложечкой открыл рот, чтоб осмотреть язык и гортань. В чародействах эскулап не поднаторел, прочее же счел для жизни неопасным.

— Пить ему надобно чаще, организм без влаги страдает.

Поить спящего человека мне прежде не приходилось. Тоненькая струйка из чашки, попытка с ложечкой... Старунов предложил намочить тряпицу и выжимать понемногу прямо спящему в рот, или за соской младенческой сбегать.

— Отставить, — сказала я, — он глотать не хочет.

Возились мы долго, нажимали на горло, чем вызвали у Григория Ильича болезненный кашель, вставляли в рот соломинку, тоже без успеха. От манипуляций над собою Волков начал хрипеть, сызнова изогнулся спиной, колотя затылком о кровать. Кислый рвотный запах перебивался чем-то пряным, явно чародейским. Гриню вознесло над постелью, перекорежило. Что я могла? Меньше чем ничего, прижимала растерянно мужское тело, чтоб к потолку не взлетело, да чертыхалась плохими словами. Мундира еще было жалко, другого из Мокошь-града я не прихватила, а этот оказался безнадежно испорчен. Шумно, грязно, бесполезно. Положеньице... Эх, зря велела Эльдара в отель сперва везти, его помощь сейчас пришлась бы кстати.

Прижав грудь Григория Ильича локтем, свободной рукой я вытерла замаранное лицо, велела громко:

— Чародея мне сюда немедленно доставить! Либо Квашнину везите из богадельни, либо... Поезд уже прибыл?

Ответа не услышала, Гриню вознесло, низвергло, снова подняло в воздух; голоса прочих присутствующих слились в нестройное бормотание. Я поднажала изо всех сил, закричала:

— Да вяжите его, ироды, к кровати приматывайте!

— Всем разойтись. — Уверенный баритон отчего-то имел запах мяты.

— Обезвоживание, — пискнул лекарь, — от него все беды. Мы уж и так и эдак пытались...

Руки, чтоб убрать с глаз мокрые волосы, я отнять не могла, фыркнула в безуспешной попытке открыть обзор.

— И что же, — продолжал баритон, который был бы мной непременно опознан, если бы не уверенность, что обладатель его сейчас находится от меня за сотни верст, — Евангелина Романовна по примеру филмотеатральных героинь не напоила своего возлюбленного изо рта в рот поцелуем? Попович, брысь отсюда.

Сквозь завесу волосяных сосулук я рассмотрела высокий мужской силуэт подле кровати, сердце пропустило удар, в голове зашумело.

— Семен?.. Аристархович...

Крестовский подтверждать эту смелую догадку не стал, взял меня за шиворот и поставил на пол шагах в трех от постели.

Мамочка, как же мне было в этот момент стыдно! Ведь один в один как с нашкодившей кошкой обращается. Самодур и мизогин.

Означенный господин на меня не смотрел, воздел руки с туманными чародейскими плетями, забормотал что-то гортанно-мелодичное, отчего всю мебель трянуло, как при землетрясении, хлопнул в ладоши. Волков, успевший уже додрейфовать до потолка, рухнул спиной на кровать. Наступившая тишина сперва оглушила, но скоро разбавилась весенним звуком капли. Из дырочки в боку медного умывального таза, стоящего на столике, вытекала струйка воды. Крестовский сжал ладонь, струйка зависла в воздухе, собираясь в огромную дрожащую каплю, даже скорее в водяной

пузырь, который медленно поплыл к постели, лопнув миррадой брызг над лицом Волкова. Кадык Грини дернулся раз, другой...

Лекарь заплодировал, а Давилов с видом кафешантанного конферансье провозгласил:

— Действительный статский советник, господин Крестовский Семен Аристархович, из чародейского приказа Мокошь-града!

Шеф обжег обоих гневным взглядом.

— Прекратить балаган! — Повернулся ко мне. — А с вами, Попович, мы сейчас будем беседовать.

Его синие глаза с брезгливостью остановились на моих руках, я быстро вытерла их о подол.

— Здесь беседу проводить изволите? Ох, простите. Здравия желаю, ваше превосходительство! Добрый вечер, с приездом. Добро пожаловать в...

Болтливость моя носила характер нервический и вполне мне свойственный. Я даже реверанс попыталась изобразить и даже неоднократно.

Шеф фыркнул.

— Вы, Степанов, отвезите госпожу пристава на ее квартиру, Евангелине Романовне следует немедленно принять ванну и переодеться. Или вы, Попович, в этих же апартаментах обитаете? — Он поморщился, обводя спальню широким жестом.

Григорий Ильич в этот момент исторг жалобный стон:

— Гелюшка...

Не вовремя как. Отчаянно покраснев, я щелкнула каблучками.

— Никак нет, проживаю на Архиерейской улице, в доме мешанки Губешкиной. За час обернусь.

— Ступайте, — разрешил Крестовский. — Давилов, не стойте столбом, проводите лекаря, его услуги нам нынче больше не понадобятся. Вы, юноша... Старунов? Чародей? Прекрасно. Значит, без труда отыщете где-то в квартире артефакт. Вы...

Дальше я не слышала, уже бежала по общему коридору на лестницу.

Семен? Приехал он, а не Эльдар. Почему? Зачем? Неужели настолько в меня не верит, что лично контролировать отправился?

— Экий, — сказал Федор, правя лошадкой через ярмарочную толпу, — чардей-чардеище, даже удивительно, какие чиновники в столицах обитают.

Я согласно вздохнула, вспомнив, какое впечатление на меня произвел Семен Аристархович при первой нашей встрече. Истинный лев, и грива его золотисто-рыжая, и вся повадка, высокомерная, уверенная, присущая царю зверей. Это уже потом я узнала, что бывает Семушка и нежным, и милым, и забавным, и что не прочь рядом с собой дворовую кошку терпеть. То есть не терпеть, плохое слово, на «терпеть» я бы ни тогда, ни сейчас не согласилась. Рядом видеть. Так хорошо. А вот нынче нехорошо у нас получилось, по-дурачки. До сих пор на меня за самоуправство зол? Так мне есть чем задобрить. Отчитаюсь по всей форме, гнев на милость непременно сменит. Я ведь молодец, немало в Крыжовене успела.

Губешкина охала, ахала и зажимала нос, когда явилась я к ней в шлейфе гадостных ароматов. Прислуга ее Дуняша запаха даже не заметила, очень уж визиту приказного возницы Степанова обрадовалась.

— Федор Федорович, — стрельнула она глазками, — не можете девушке?

Мужик не отказался, они ушли на кухню, мы же с хозяйкой — в мою горницу.

Дуняша хлопотала, заставила Степанова притащить мне лохань, наполнила ее теплой водой.

— Вы плещитесь, барышня, мы с Феденькой пока чайку попьем.

Пока я мылась и кое-как вычесывала волосы, Захария Митрофановна сидела в кресле и развлекала меня разговором.

Новый чиновник из столицы? Не тот, которого ждала? То-то ей нынче в раскладе незванный гость выпал.

Губешкина была известной в городе гадалкой, работающей под псевдонимом «провидица Зара».

Да не валет выпал желторотый, а целый король кубков... Почему кубков? А она не знает, но он и есть. Ополовиненный. Не мужик, посуда. Тоже не знает... Незванный гость, да желанный... Эх, разбередит он сердчишко одной барышне... Да уж известно которой...

Слушала я рассеянно, потому что в гадания верила не особо. Нет, в само провидчество хозяйки я верила, только допускало оно такое количество толкований, что опознать предсказание было проще уже после события. Ну, например, предсказала мне Губешкина поломанный каблук, так дело оказалось вовсе не в обуви, а в противном пьянице с такою кличкой — Каблук.

И с Крестовским так же. Незванный и желанный. Оба определения в точку. А отчего бокал его неполон, выясним со временем. И о том, как Семену переобуться на ходу удалось. Он же раньше червовым выпадал? Кубки-то почти наверняка бубны.

На вопрос про масти хозяйка пожала плечами и сообщила:

— Зол он, король твой.

— На меня?

— В том числе. И тревожен изрядно.

— Отчего?

— Не ведаю. Только до следующего полудня будешь с ним у повешенного.

— У дерева? На котором Блохина покойного нашли?

— Нет.

Ну вот как это все понимать прикажете? Потому гадания провидицы Зары в расчет я принимать не собиралась.

Платье я надела буднее, темно-зеленое, с воротником под горло. Приличное, но не особо удобное, карманов на нем не было, пришлось полезные чародейские артефакты прятать в дамскую сумочку.

— Мундир Дунька почистит, — пообещала хозяйка, — попытается то есть.

Воодушевленная этими словами, я освободила приказного Степанова из страстной девичьей осады (женит на себе его горничная, как пить дать), попросила у Губешкиной за-

пасной ключ (неизвестно, насколько беседа с шефом затянется) и отправилась к начальству.

Семен Аристархович ждал меня в моем кабинете, то есть в кабинете Волкова, то есть даже не Волкова, потому как Гриня официально приставом еще не являлся, а в бывшем блохинском. Как-то так. Вопросы владения шефа не волновали нисколько, обосновался он в помещении до того по-хозяйски, что даже сделал мне замечание, что-де вошла без стука. Я обиделась, но браво отрапортовала:

— Надворный советник Попович по вашему приказанию прибыла!

Крестовский отодвинул поднос с ужином, будто мое появление отшибло аппетит. Давилов, стоящий подле стола с видом услужливого официанта, посмотрел на меня укоризненно.

— Позвольте доложить, — продолжала я, — о выполнении сыскарского задания...

— Сядьте, — перебил Семен Аристархович и кивнул регистратору. — Евсей Харитонович, будьте любезны прибавить.

— Чайку не желаете? — Давилов подхватил поднос.

Вот ведь подхалим, раньше меня так обихаживал, а теперь на другой объект переключился.

Крестовский чаю не пожелал, а меня о том даже не спросили. Дождавшись, пока за регистратором закроется дверь, шеф протянул ко мне через стол ладонь:

— Оберег.

А где же «здравствуй, милая», улыбка где, взгляд нежный? Дрожащими руками сняла я с шеи серебряную цепочку с подвеской-буковкой, положила на стол, пробормотала:

— Думала, Эльдар в Крыжовень едет.

— Ошиблась. — Шеф ткнул оберег кончиком пальца, будто дохлого жука. — Он пуст!

— Чего?

— Того, Попович. Когда мы виделись с вами на перроне столичного вокзала, ваша «ять» была заряжена полностью, я специально проверил, теперь же... — Он сжал кулон в ладони, прикрыл глаза. — Будто постоянно чародейские атаки отбивал.

— Не было ничего такого.

— Понятно, — сообщил Крестовский в пространство.

Хорошо ему, мне-то понятно ничего не было. Что за ерунда? Ну ладно, положим, между нами с Семеном Аристарховичем все кончено. Ну, решил он чувства на более достойный предмет направить, бывает. На эту версию «вы» с «Попович» указывают. Но меня-то в известность поставить надобно?

Посмотрев на шефа пытливо, я заметила испарину у него на лбу, видимо, немало сил на Волкова потратить пришлось.

— Григорий Ильич в порядке? — спросила я осторожно.

Ну правильно, отставку мне после дадут, не в приказе же личные дела обсуждать. Сейчас разговор деловой.

— Кто? — распахнул Семен свои сапфировые очи. — Ах, Чарльз Гордон уездного разлива, господин Волков. Разумеется, в порядке, хороводится с великими островными чародеями, в сонных пределах находясь. И дней семь еще там находиться будет.

— Перфектно... — Я запнулась, потому что мое паразитное слово шефа не радовало. — Он хороший парень, Волков этот, и добрый сыскарь, не хотелось бы...

И снова запнулась, подвесив окончание фразы, голос дрожал, реветь хотелось. Экая ты, Крестовский, дрянь. Неужели трудно было со мною как-то мягче порвать? Хотя бы письмом. Чтоб у меня чуточку времени на страдания осталось. Я ведь не железная и сразу про несколько вещей думать не могу.

— Хороший? — Семен протянул мне цепочку. — Ну-ну...

Наши пальцы соприкоснулись, когда я брала с его ладони оберег, привычная искорка пробежала под кожей к локтю. Спокойно, Геля, дыши. Забудь обо всем, отпусти, с самого начала понятно было, что не сладится у вас. Ты женщина современных взглядов, сильная и независимая, а он... Он это он. Твой начальник. И хороший, кстати, начальник, лучший из возможных. Поэтому страдать ты после будешь, в одиночестве. Сейчас честь мундира блюди.

Медленно вернула я цепочку на шею, спрятала ее за воротом, расслабленно опустила руки на колени.

— Думаю, про господина Волкова вам уже приказные все рассказать успели.

Крестовский кивнул, указывая на картонную папку:

— Рассказать и показать.

— Тогда я, с вашего позволения, повторяться не буду. —

Голос уже не дрожал, только смотреть я старалась не на собеседника, а чуть в сторону. — Приступлю непосредственно к делу, за которым вы меня в этот город направили. Блохин Степан Фомич, покойный пристав...

Рапорт длился минут двадцать. Подробно изложив все свои предположения и перечислив действия, я двигалась от события к событию. Шеф слушал внимательно, не перебивал, ему, в отличие от меня, записывать для памяти не требовалось.

Закончив, я налила из графина воды в стакан и осушила его до доньшка.

— Понятно...

Я повторила манипуляции. Подождав, пока я отставлю посуду, Семен спросил с фальшивым дружелюбием:

— Стало быть, по факту у нас в приказе находится арестованная опиумщица, обвиняемая в убийстве госпожи Чиковой, и тело супруга последней?

— Именно. Мишкина в этом убийстве призналась, и как только будет возможно продолжить допросы, убийство Блохина...

— А Чиков?

— Что Чиков?

— Его застрелил некий мальчишка по фамилии Степанов из вашего револьвера?

— Да.

Смысл его вопросов от меня ускользал, потому что буквально пару минут назад я это все другими словами уже излагала. Застрелил в целях самообороны, сам о том пока не знает. И никто не знает, кроме меня, Волкова и приказного извозчика, который тело в морг отвез.

Ноздри Семена Аристарховича гневно раздувались, а глаза метали молнии, я даже о страданиях в испуге позабыла.

— То есть...— начал шеф едко, но тут в дверь постучали, и он громко велел: — Войдите!

— Ваше превосходительство, — Давилов посторонился, впуская посетителя, — тут к ее высокоблагородию...

— Евангелина Романовна! — возник на пороге адвокат Хрущ. — Доброго вечерочка.

Цепкий его взгляд метнулся от меня к Семену.

— Невыразимо счастлив лицезреть, так сказать, воочию великого чародея. — Он поклонился. — Наслышан, наслышан. Весь Крыжовень новостями бурлит. Андрон Ипатьевич Хрущ, так сказать, адвокат, к услугам вашего превосходительства.

Крестовский кивнул и посмотрел на меня со значением, я привычно подхватила мяч.

— Присаживайтесь, — предложила гостю, указывая на свободное кресло. — Здравствуйте, драгоценный Андрон Ипатьевич. В каком качестве визируете? Защитником убийцы или распорядителем похорон?

Посетитель поправил траурную повязку у локтя.

— Поверенным в делах господина Бобруйского, о покраже заявить явился.

— Что похищено? Когда? Кем? — изобразила я деловитость.

Адвокат сел вполоборота к столу, на колени его легла кожаная папка.

— Из конторского сейфа моего клиента деньги пропали. Сто тысяч рублей ассигнациями. Когда, он не знает, с вересня в тот сейф не заглядывали, а нынче... — Он достал из папки стопочку бумаг. — Номера банковских билетов переписаны.

Я посмотрела на стопку. Адвокат продолжал:

— Подозревается в хищении господин Чиков Сергей Павлович.

Крестовский хмыкнул, я похолодела. Только что купец Бобруйский меня переиграл, даже напрягаться не пришлось. О смерти Чикова никто пока не знает, то есть кроме меня, Волкова, приказного извозчика и теперь шефа. Да и узнают, покойник оправдаться не сможет. Номера билетов банковских я, разумеется, сверю, но они сойдутся, к гадалке

не ходи. И все, и концы в воду, ниточка, связывающая купца — заказчика убийства с исполнителями оборвалась.

Хрущ поглядывал горделиво, вытягивал шею, будто гриф-падальщик из школьного учебника.

— Пропал наш Сереженька со всеми деньгами. Вы уж, господа хорошие, непременно злодея арестуйте.

Семен встретился со мною глазами и приподнял саркастически брови, я залилась краской стыда. Сейчас пообещаю «всенепрременно» и... Делать-то что?!

— Какая удача, Андрон Ипатьевич, — неожиданно сказал Крестовский, — что вы именно сейчас, во время отнюдь уже не присутственное, к нам заглянули.

— Простите? — Хрущ спросил, а я подумала.

— Надеюсь только, — шеф развернул на столешнице носовой платок и стал щедро умащивать его ментоловой мазью из жестянки, — что плотно поужинать вы не успели.

— Простите?..

Тут я мысленным дуэтом с адвокатом не выступала, пропитанный ментолом платок предполагал посещение морга.

— Попрошу вас в опознании поучаствовать. — Крестовский, лучась дружелюбием, поднялся из-за стола. — Евангелина Романовна...

— Могу пока номера банкнот сверить, — предложила я быстро.

Покойников я боялась, шеф об этом прекрасно знал, и в любое другое время от совместного визита к ним воздержаться позволил бы, но не сегодня.

— Не трудитесь, — улыбнулся он с нежностью, от которой у меня чуть волосы дыбом не встали, — использовать чиновницу вашего ранга для столь мелкой конторской работы...

Вздыхнув, я перегнулась через стол и достала из ящика связку ключей.

— Пройдемте, господа.

За конторкой дремал письмоводитель, Давилов же устроился подле арестантской клетки, видимо, наше появление прервало его задушевную беседу с давешними забулдыгами.

— К покойникам, — сообщила я в пространство, и голос предательски дрогнул. — Сопроводять не надо.

Ключи не попадали в замочные скважины, руки мелко дрожали. Семен Аристархович вздохнул при виде моей нерасторопности, отвечал на расспросы адвоката общими фразами, оказавшись в подвальном коридоре, раздул ноздри, будто приносиваясь, похвалил:

— Добротные какие казематы. Вы, Евангелина Романовна, не забывайте каждую дверцу за нами запирать, так в приказе положено.

Злоба, всколыхнувшаяся во мне после этих слов, привела меня в чувство. Поучать он меня еще будет!

— Всенепременно, ваше превосходительство, это запишу, чтоб запомнить крепко-накрепко.

Хлопнула дверь, заперла, холодно указала:

— По коридору прямо. Здесь, изволите видеть, у нас арестантские камеры, а покойницкая — в подподвальном помещении.

— И вы его, Евангелина Романовна, посещали?

— Да как-то времени не нашлось.

— А необходимости?

— Мне, Семен Аристархович, простой берендийской бабе, ваши чародейские подземные бдения чужды.

Хрущ кашлянул.

— Простите великодушно, господа приказные чиновники, но... Еще одного платочка от смрада не найдется?

Крестовский отдал ему свой. А разило действительно даже здесь, меня немедленно замутило от сладковатой вони разложения.

Спустившись в конце коридора по трем каменным ступеням, мы оказались в обширном зале. Потолочные светильники, ожившие при нашем появлении, покрывал слой наледи, разводы инея украшали стены, возле которых стояло около десятка простых дощатых столов. Свет был синеватым, неживым и очень ярким.

— Какое расточительство, — сказал шеф громко, и эхо его голоса пронеслось под низкими сводами, — использовать морозный кристалл в это время года.

Дыхание наше застывало у рта, Хрущ прикрывался платком, но никакой вони здесь не ощущалось, вымерзла, не иначе.

— Итак... — Крестовский быстро прошел к единственному столу, на котором, накрытое простыней, лежало тело, прочие были пусты. — Андрон Ипатьевич, извольте взглянуть.

От холода пальцы мои примерзли к связке ключей, а зубы стучали. Да, от холода, а вовсе не от страха.

Шеф дернул простыню, я прикусила язык. Адвокат вытянул шею. Чиков лежал на спине, вытянув руки вдоль тела, был он в черном костюме и черном же пальто, застегнутом на груди, на голове нечто похожее на колпак, опущенный до самого подбородка. Этот подбородок торчал к потолку подобно ледяному утесу. Семен потянул колпак, открывая лицо покойника.

— Как мы могли заметить, обязательного осмотра тела не проводилось.

— Сережа! — ахнул сдавленно Хрущ и высморкался в ментоловый платок. — Как? Кто? Почему?

Шеф продолжал деловито:

— Исходя из видимых повреждений одежной ткани...

Подбородок-утес дернулся, покойный Сергей Павлович Чиков сел на столе. Я лишилась чувств на секунду позже Андрона Ипатьевича.

Волков сызнава нес меня на руках, привычно даже.

— Гриня-а, — шепнула я сквозь сон, устраивая голову на мужском плече, — напортачили мы с тобою изрядно, по всей строгости отвечать придется. Нельзя было... Но не бойсь, всю вину на себя возьму, потому что чином старше и... Ты только целоваться сейчас не смей, потому...

— Замолчите, Попович, — шефов баритон влажным холодком щекотал скулу, — или я вас на прозекторский стол уложу.

— Чего? — забившись рыбкою, я скользнула на пол, царапаясь о пуговицы шефова сюртука. — Не желаю на прозекторский!

Мы с Крестовским стояли уже в присутственном зале, развлекая арестованных забулдыг и прочую публику. Семен Аристархович скомандовал:

— Давилов, Старунов, рысью в морг! Чикова в свободную камеру, Хрущу помощь оказать, он в обмороке.

— Ч-чикова? — перекрестился регистратор.

— Не спрашивать! — рявкнул шеф. — Исполнять! Всех конвойных сюда! Лекаря! Быстро!

— Девка, — позвали из-за решетки, — а чего здесь деется? Страшно, девка...

Сапоги служивых грохотали по полу, сквозняк ворошил бумаги, я пошатнулась.

Отвлекаясь от командования, Крестовский обернулся ко мне.

— За этот кафешантан, Евангелина Романовна, я с вас спрошу по всей строгости. Готовьтесь петлички перешивать.

Гневное лицо начальство увеличивалось, покачивалось отдельно от всего остального, будто нарисованное на воздушном шарике. Петлички?

Семен успел удержать меня от падения. Сцена какая театральная. Девица без чувств и благородный неключод... Неключод? Бесник подмигнул мне с экрана:

— Запуталась, чавэ?

Проектор громко тренькнул, погас, все исчезло.

— ...допрос, Андрон Ипатьевич, будет проведен в свой черед, — говорил шеф негромко, — вашему подопечному так и передайте...

— Немыслимо, — всхлипывал Хрущ, сморкаясь, — невероятно...

— Нервический припадок, — растирал мои руки лекарь Халялин, — обычное дело для барышни. Ну раз к кровопусканиям вы, ваше превосходительство, столь предвзяты, позволю себе откланяться.

Высвободив руки, я натянула плед на лицо; подошвы упирались в подлокотник кабинетного диванчика, я его уже могла определить, зажмурившись и на ощупь. Позорище ты, Попович. Как есть позорище. Два обморока подряд. Судя по звукам, лекарь удалился.

— Однако... — Хрущ чем-то булькал, видимо, прикладывался к бутылке. — Я вправе узнать о причинах... Немыслимо...

Шеф скрипнул стулом.

— Ничего невероятного, Сергей Павлович Чиков, арестованный нами четверть часа назад по вашему обвинению в краже...

Так-так... Это уже любопытно. Я выдвинула ухо из-под пледа. Семен выдержал паузу и закончил:

— Неклюд!

— Что, простите? — переспросил адвокат, а я вовремя рот себе заткнула. Брежу?

— Сами рассудите, — скрип, вздох, бульк, — узнаваемый фенотип, телесная структура, нечеловеческая регенерация...

— Но... неклюд?

— Нечистокровный. Скорее всего, лишь по отцу, но у полукровок от смешанных браков часто наблюдаются расовые особенности...

— Но позвольте, я был лично знаком с его батюшкой.

— Ах, Андрон Ипатьевич, уж не нам ли, мужчинам, знать, сколь коварны бывают наши спутницы в вопросах телесных.

— Однако...

Бульк... бульк... бульк...

— Приказные работники ошибочно определили господина Чикова покойником и до официального опознания определили его в казенной мертвецкой. Там он регенерировал, и мы с вами смогли наблюдать результат этого, повергший вас в такой аффект.

— Аффект? Да я чуть богу душу не отдал! Если бы не ваша волшба, Семен Аристархович... Как вспомню, — бульк, — рычание это утробное...

— Побочный эффект звериной ипостаси, — быстро пояснил шеф. — Ступайте, господин Хрущ, нервишки поправьте, о результатах следствия мы непременно вас известим.

— Какое счастье, господин Крестовский, — нетрезво тянул адвокат, — что вы столь вовремя в Крыжовень прибыли. Мужчина, чародей! На барышень... и-ик... надежды мало. Чуть что — в обморок.

Он еще повозился у вешалки, попрощался и наконец ушел.

— Неклюд? — отбросила я плед.

— Почему ты сразу тело не осмотрела? — Семен вернулся к столу и присел на краешек.

— Так полномочий не было и времени.

— И желания?

Смутившись, я покачала головой и вытерла руками мокрые щеки.

— Не сочла необходимым.

— Ты плачешь?

— Ага! — шмыгнула я носом. — От облегчения. Меня труп этот невероятно мучил, потому что Мишка его застрелил, и по закону дело против пацана открывать было надобно, а...

Через кабинет по воздуху поплыл ко мне белоснежный носовой платок, схватив его, я трубно высморкалась.

— Повезло, — сказал шеф. — Покойник ожил, и твой уездный Гаврош убийцей не стал.

— Перфектно. — Скомкав мокрый шелк, я затолкала его за манжету, не возвращать же владельцу. — И теперь Бобруйский от меня никуда не денется, прижму мерзавца с живым-то свидетелем.

— Не факт.

Я удивленно воззрилась на начальство.

— Лекарь что про арестанта говорит?

— Ничего. — Семен устало потер виски. — Буйный у нас арестант, к медицинским осмотрам не приспособленный.

Шефа повело, я едва успела подскочить, чтоб придержать за плечи.

— Чародеить пришлось изрядно, — признался он вполголоса, — не ко времени, три дня силу накапливал, чтоб в одночасье ее спустить.

— Чародеил? — Я подвела начальство к диванчику. — Против неклода? Так ведь серебро только против них... никак не возможно колдовством...

Тяжело опустившись, Крестовский откинулся затылком на спинку дивана.

— Брось, Геля, ну какой из твоего Чикова неклад? Это прочим штатским можно пока глаза замылить.

— погоди! — незаметно перешла я на «ты». — Тогда что он вообще такое? Волков говорил, пуля в грудь вошла, да и по приметам на месте... Люди после таких ран не выживают.

Семен устало прикрыл глаза.

— Нет у меня ответа, пока нет. Поздно уже, домой ступай, выспись. Ты за неделю измотала себя изрядно, оттого и слабость. Завтра думать будем.

Возражения мои были проигнорированы. Пришлось исполнять. Федор отвез меня на Архиерейскую, где я, от души поревев, забылась усталым сном.

Бесплотным духом парил Григорий Ильич над ночным Крыжовенем, все успевал, все подмечал. Не зрением либо слухом, ибо слов для определения такого процесса даже не изобрели. Город казался ему из туманных пределов огромным гнойным фурункулом, созревшим и готовым лопнуть от малейшего нажатия. Клоака уездная, а в ней ярким огоньком рыжая красавица-сыскарка Евангелина, Геля... Эх, жаль, невозможно сейчас к ней под бочок подкатиться, он бы с превеликим удовольствием, не духом — во плоти утешил бы бедняжку, похвалил. Непросто ей приходится, ох непросто. Не по размерчику шапку надела надворная советница, не сдюжит. Гриня бы помог, он сейчас все знает, все ведает, и нет для него в мире нынче тайн. Да только забудет он при пробуждении всю мудрость, с чародейскими снами именно так все устроено. Проснется и не вспомнит ничего. Далеко внизу, в корявых отвратных домишках жители спали либо полуночничали, Волков слышал их всех одновременно, осязал и обонял все их мысли, сны, мечтания. Звуки были оранжевыми пузырями, лопающимися на поверхности гнойного варева.

«...жив-то, оказывается, Чиков... — булькнуло бесполом голосом. — На Гаврилу покажет... сыскарка столичная, фифа...»

Гриня расслабленно внимал.

«...поспешать придется... девица романтическая... не в лоб, пусть с загогулиной... чародей новый...»

Про Семена Аристарховича Волков и без голосов знал. Удачно Крестовский подле его тела нынче оказался, силы чародейские направил, Гриню, можно сказать, спас. Только благодарности к нему Григорий Ильич не испытывал. Ревности, впрочем, тоже. Его состояние полное бесчувствие предполагало. Та тень любопытства, что оставалась у него к

Геле, уже была удивительна. Семушка... Так вот ты каков, загадочный жених. Хорош. Только ничего у тебя с дамою сердца не сладится, ты знаешь почему, и Гриня знает. Жаль, что потом забудет.

«...не опасно, — пузырились голоса, — сентиментальная барышня... слопает и не поперхнетя...»

Какая скука! Мелкие человеческие делишки.

— Грегори! — разнеслось гулко и тревожно. — Грегори сын Илии, круг Мерлина призывает тебя!

Пауза заканчивалась, и дух мистера Волкава устремился на призыв.

ГЛАВА ВТОРАЯ, *в коей происходит долгое прощание с уездным Крыжовенем*

В преступлении, учиненном несколькими лицами без предварительного их на то согласия, признаются...

главными виновными: во-первых, распорядившиеся или управлявшие действиями других; во-вторых, приступившие к действиям прежде других при самом оных начале или же непосредственно совершившие преступление; участниками: во-первых, те, которые непосредственно помогали главным виновным в содеянии преступления; во-вторых, те, которые доставляли средства для содеяния преступления, или же старались устранить препятствия, к тому представлявшиеся.

*Уложение о наказаниях уголовных
и исправительных, 1845*

Завтрак в доме на Архиерейской улице был ранним, но обильным.

— Ешь, — приговаривала хозяйка, — сил набирайся, они тебе пригодятся.

— Карты подсказали? — слабо улыбнулась я, без аппетита расправляясь с рассыпчатым манником. — Так они у вас не особо правдивы, то в мастях моего короля путаются, то с покойниками в счете.

— Это еще почему?

— Потому. — Я облизала ложку. — Трех посулили, а их два всего, даже один, Сергей Павлович-то живехонек.

— Значит, — смутилась Захария Митрофановна, — значит...

— Ничего!

— А вот мы сейчас посмотрим. — Гадалка раздвинула посуду, освобождая место на столе. — Разложим и поглядим. Сдвигай! Руки сперва оботри.

Воспользовавшись салфеткой, я сняла колоду.

— Ну! — Губешкина ткнула пальцем в картинку. — Сердца и кубки, и король. Это ты, это он, это валет с мечами, только...

— Минуточку, — перебила я, — мечи это пики, а валет ваш в крестах.

— Может, помер?

— А может, вы толкуете наобум?

Посопев в молчании и наградив меня недобрый взглядом, хозяйка вздохнула:

— Молодежь нынче пошла... А покойников все равно трое. Вот, вот и вот. Баба и два мужика, помоложе и постарше. Старший золоченый, видать, купец. Баба служивая при казенной отметине, а последний...

Я налила еще чашку чаю, отпила, поморщилась, и вовсе не от горячего.

— На нем какая отметина?

— Поганая. — Захария смешала карты и собрала их. — И ни словечка больше тебе, привереде, не скажу.

Отставив пустую чашку, я поднялась из-за стола.

— Простите великодушно, не стоило мне в таком тоне с вами беседовать.

— Да ладно, — отмахнулась хозяйка, — дело понятное, сердце твое не на месте, оттого и раздражаешься по пустякам.

— Не на месте.

— Полночи в подушку проревела.

Смутившись, я сделала вид, что рассматриваю слякотный пейзаж за окном.

— И вот что скажу: зря. И кручинишься зря, и думу черную думаешь. Прилетел к тебе сокол твой за сотни верст, это ли не радость?

«Вот нисколечко не радость. Странный прилетел, чужой, строгий. И говорить о том, что меня волнует, не стал. И как работать мне теперь прикажете? Нет, все, довольно. Немедленно все точки над «и» расставлю, еще до начала присутственного времени. Перехвачу Крестовского в отеле для беседы личного характера, порву с ним пристойно и, обновленной и строгой, начну с чистого листа. Решено!»

Губешкина за мою спиною продолжала:

— А ты бы, Гелюшка, придумала лучше, как суженому своему чужое обручальное колечко на пальце объяснить.

Быстро повернувшись, я поднесла руку к лицу.

— Колечко? Да это ведь просто фикция. Григорий Ильич его с меня по первой же просьбе снимет, только ото сна пробудится чародейского.

— Так прямо своему и скажи, достоверно получится.

— Это правда!

— И глазами точно так же сверкнуть не забудь, очень красиво получится, оскорбленная подозрениями добродетель. А про шуры-муры свои с «фикцией» кареглазой промолчи.

— Захария Митрофановна!

— Целовались, — загнула хозяйка палец, — люди видели, обнимались, страстными взглядами обменивались, Григорий Ильич тебя невестою в общество ввел.

— Для пользы дела. Это «легенда» у нас сыскарей называется.

— Как ни назови, хоть фикцией, хоть легендой, слухи уже пошли, не остановишь. Превосходительству столичному непременно донесли, не сомневайся, вот он и бесится от ревности, обижает тебя почему зря.

— Глупости! Семен Аристархович и ревность... это... Да они друг друга при встрече не узнают. А злится шеф за дело, потому что я задание не с блеском выполнила, а... без оного.

Гадалка сокрушенно вздохнула.

— Разберись уже, отдели зерна от плевел. Про задания твои сыскарьские ничего не скажу, не понимаю, а в мужиках поболее сопливых суффражисток разбираюсь. Семушка твой

мужик? Не красней, я риторически спросила. Мужик. Значит, собственник, как все они. Хочешь его успокоить, в любви своей заверь, верность посули.

— Как будто без слов непонятно?

— Тебе понятно, мне понятно, потому что обе бабы, а ему разложи по полочкам, без намеков. Эта порода намеков не понимает.

— Я тоже... Не в смысле — мужчина, а с экивоками не в ладах, — призналась я. — Спасибо, Захария Митрофановна, за науку.

— К нему пойдешь?

— Чтоб до службы переговорить начистоту и прямо.

— Умница, ступай. — Захария помахала мне на прощанье и вернулась к картам.

Березневая оттепель превратила улицу в непролазное чавкающее болото, хорошо я догадалась перед выходом надеть поверх ботильонов калоши, дорога до базарной площади заняла гораздо больше времени, чем обычно. Портье за конторкой отельного вестибюля (Давилов упоминал название «Империа») сокрушенно сообщил, что господин Крестовский в книге приезжих не значится, а господин Мамаев, который, напротив, значится, бронирование свое не подтвердил и в отель вчера не явился. Несолоно хлебавши отправилась я в приказ. Зеленый от недосыпа Старунов бросился мне навстречу.

— Евангелина Романовна, ваше высокоблагородие, его превосходительство...

— В «Империа» не появлялся.

— Так они... — забормотал парень вполголоса, косясь на посетителей у конторки, — ...еще вечер в казематах засели, камеру себе выбрали, четвертую от входа по левой стороне, да и заперлись.

— В камере? — приподняла я скептически брови. — Изнутри?

— То есть наоборот, велели себя на замок закрыть. — Старунов достал из кармана связку ключей. — И строго-настрого приказали, чтоб только барышня Попович, во сколько бы она на службу ни явилась, и никто иной...

— Молодец, — перебила я и отобрала ключи. — Займусь.

Не удивившись несколько поведению начальства — Семен разные подземные штуки обычно для пополнения чародейских сил использовал, — я спустилась в подвал. Воняло не лучше, чем давеча. Любопытно, чем? Вчера думала, что трупом, но труп оказался жив, да и запах шел отнюдь не снизу, застоявшийся он был. После разберусь, даже если придется все камеры по очереди обнюхивать.

Семен спал на голых нарах, подложив под голову свернутый сюртук. Вырез сорочки открывал часть груди, львиная грива стекала волнами с импровизированной подушки, лицо было спокойным и расслабленным. На цыпочках приблизившись, я несколько минут молча на него смотрела. Как он хорош! Такими античные мастера своих богов и героев ваяли. Только те холодные, мраморные, а этот живой и теплый, рыжий еще. Так бы и запустила обе руки в эту копну. Захотелось провести пальцем по изгибу бровей и повторить то же самое губами.

Спокойно, Геля, дыши. Сначала разговор начистоту, а после...

Уговаривать-то я себя уговаривала, только рыскала глазами по спящему без зазрения совести, будто пытаюсь каждую черточку запомнить, будто насытиться желала.

Устал Семушка бедненький, притомился, чардея. Бледненький такой. Сейчас проснется, кушать захочет, кофе испить. Опомнись, Попович, какое кушать? Сама-то со сна к столу бежишь или в другое место за другою надобностью? Ой! А беседа? То есть сначала отпустить соколика для неотложного, здесь его дожидаться, а потом...

— Хорошие казематы в этом Крыжовене. — Семен энергично потер лицо и открыл глаза. — Глубина, расположение, вдоль жилы земляной фундамент клали, все идеально. Доброе утро.

Не отвечая — дыхание болезненно перехватило, я смотрела на правую руку чардея, безымянный палец которого охватывал ободок золотого обручального кольца. Вчера не заметила или он ночью надел? Крестовский ответа не ждал, он поднялся с нар, потянулся, почти коснувшись пальцами потолка, потрянул головой.

— Хорошие казематы и расчудесные приятели у нашего уездного Чарльза Гордона. Орден Мерлина. Слыхала?

— Аглицкие чародеи? — сглотнула я горький комок.

— Они самые. — Семен встряхнул, расправляя сюртук, оделся, тщательно застегнул пуговицы. — Тоже мне, сновидцы. Разумеется, кое-кто из наших общих знакомых более моего нынче смог, но...

Сапфировые глаза блеснули веселым торжеством. И в кольцо у него сапфир. И у меня. Только... Мамочки, больно-то как...

Что за пауза? Начальство ждет восхищения?

— О! — выдавила я коротенько и выпучила глаза.

— А знаешь, как его прозвище?

— Кого?

— Геля, — протянуло начальство, дразнясь, — где твоя хваленая сыскарская смекалка?

Сжав кулаки с такою силой, что железо ключей впилося в ладонь, я отчеканила:

— Вы, Семен Аристархович, видимо, о господине Волкове упомянуть изволили. Только мне гадости о нем слушать неприятно, посему дурочкой попыталась прикинуться. Простите великодушно.

Крестовского будто молнией пришибло, он замер, улыбка медленно сползла с лица. Я продолжала чеканить:

— Григорий Ильич Волков — господин исключительных моральных качеств и мой жених, посему попрошу впредь при мне...

Воздуха закончить фразу не хватило.

— Понятно, — сказал шеф противным своим тоном, — не буду, впредь не буду, при вас особенно. Тем паче...

Он двинулся к выходу, обогнув меня, будто мебель, даже отступать не пришлось.

— Тем паче возможности беседовать с вами мне вскорости не представится.

Я семенила следом, оставив дверь пустой камеры приоткрытой. Крестовский продолжал говорить:

— Вечерним поездом, Евангелина Романовна, вы возвращаетесь в столицу нашей империи. Работа ваша в Крыжовене окончена, убийство прежнего пристава раскрыто.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая</i> , в коей обязанности пристава уездного Крыжовеня ложатся на девичьи плечи неподъемным грузом, а долгожданная встреча радости не приносит	5
<i>Глава вторая</i> , в коей происходит долгое прощание с уездным Крыжовенем	27
<i>Глава третья</i> , в коей раскрываются причины возвращения надворной советницы, а также немало места отводится дамской обуви	53
<i>Глава четвертая</i> , в коей убийство в благородном семействе будто бы раскрывается по свежим следам, а некоторые привычки уездного купечества способны фразировать даже выдавших виды сыскарей.	77
<i>Глава пятая</i> , в коей картина убийства приобретает глубину, необходимую для последующего раскрытия	102
<i>Глава шестая</i> , в коей надворная советница утоляет свою страсть к театральным эффектам во имя закона и правопорядка	126
<i>Глава седьмая</i> , в коей действительный статский советник исполняет клятву, данную чиновной барышне, чем повергает ее в форменное расстройство	153
<i>Глава восьмая</i> , в коей Евангелина Романовна заручается чародейской поддержкой, но пожинает горькие плоды собственной служебной ошибки	178
<i>Глава девятая</i> , в коей надворного советника собираются принести в жертву, а сражение добра со злом протекает с переменным успехом на нескольких уровнях.	204
<i>Глава десятая</i> , в коей Евангелина Романовна в последний раз идет на поводу страсти к театральным эффектам	233
<i>Эпизод первый</i> , в коем столичные сыскари заканчивают дела в уездном Крыжовене	270
<i>Эпизод второй</i> , в коем представители сильного пола ни в коем случае не сплетничают и не интересуются заметками в бульварных газетенках	279